

Юхан КАХК

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И О ПОИСКАХ «ОСНОВНОГО ДВИГАТЕЛЯ» ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ПРОЧТЕНИЕМ МОНОГРАФИИ
АКАД. И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО)

Настоящую статью следует предварить самокритичным признанием автора в том, что ему слишком поздно удалось найти время для того, чтобы по-настоящему углубиться в опубликованную в 1987 г. книгу акад. И. Д. Ковальченко «Методы исторического исследования». К сожалению, историки-исследователи слишком мало и редко обращают внимание на теоретические аспекты своих исследований. Это довольно общий и широко распространенный недуг. Монография акад. И. Д. Ковальченко уже давно должна была бы послужить толчком к началу дискуссии по теоретическим проблемам исторических исследований в Советском Союзе. Необходимость в такой дискуссии явно назрела.

Монография акад. И. Д. Ковальченко заслуженно удостоена Государственной премии СССР. К сожалению, его труд — явление довольно редкое. Не так уж часто бывает, чтобы проблематикой философии и методологии истории занимались сами историки. «Историки, за редкими исключениями, не проявляют особого интереса к проблемам предмета своей науки, — пишет сам И. Д. Ковальченко, — что, естественно, говорит не в их пользу...»¹

Тем не менее из под пера философов вышло довольно много трудов по философско-методологическим проблемам истории, весьма плодотворно в этой области трудились и советские исследователи. «Таким образом... по проблемам исторического познания и исторических исследований существует весьма обширная, прежде всего философская, литература», — пишет И. Д. Ковальченко. Но беда в том, что «фактически ни одна из работ по методологическим проблемам исторических исследований... не охватывает в более или менее полном виде круг основных задач, решаемых в историческом исследовании»². Необходимо как «приземление» философских разработок к конкретике исследований, так и «повышение теоретико-методологического уровня исторических исследований»³.

Нижеследующие рассуждения — это мысли историка. Мы отдаем себе отчет в том, что философия истории имеет и самостоятельное значение как путь и средство совершенствования самой теории, и уклоняемся от вторжения в эту сферу.

И. Д. Ковальченко чувствует себя здесь более уверенно. И это не удивительно, сама жизнь, посвященная преподавательской деятельности в области источниковедения, поставила в центр его внимания такие философские проблемы, как проблемы исторических фактов и исторических источников. О склонности к поискам новых методов свидетельствует его успешная пионерская деятельность в области применения математических методов в исторических исследованиях⁴.

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987, 50.

² Там же, 12.

³ Там же.

⁴ См. об этом: Какх Ю. Ю. Математические методы в исторических исследованиях // Вопр. истории, 1989, № 2, 32—41.

Добавим, что для нас книга акад. И. Д. Ковальченко — в основном как бы «мысленный трамплин», откуда мы отталкиваемся в своих размышлениях, а не объект полемики с автором относительно выдвинутых в ней идей или использованных формулировок.

Из того нового, что внесено автором монографии в теорию исторических исследований, можно прежде всего выделить следующее. Очень интересна его трактовка двух уровней субъективизации исторической действительности. «Первый уровень субъективизации имеет место при фиксации исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников, второй уровень связан с восприятием этой действительности историком на основе исторических источников»⁵. И это обстоятельство, несомненно, делает историческое познание более сложным в сравнении с другими областями науки.

Интересно указание И. Д. Ковальченко и на то, что когда историк в своем исследовании переходит от абсолютных показателей (например, от общей площади пахотной земли) к относительным (например, к удельному весу крестьянской пахотной земли по отношению ко всему землевладению в селении или к площади ее в расчете на душу населения и т. п.), он как бы получает показатели, отражающие интенсивность их проявления⁶.

И. Д. Ковальченко одним из первых обратился к разработке проблематики исторических альтернатив. На этом вопросе он останавливается и в рассматриваемой монографии. Как он указывает, «...объективной основой для возникновения исторических альтернатив является наличие в действительности существенно отличных возможностей для последующего развития, которые могут быть реализованы лишь с определенной вероятностью»⁷. При этом для реального возникновения их «...необходимо наличие субъективного фактора, т. е. определенных общественных сил, которые деятельно стремятся претворить существенно отличные возможности в реальность»⁸. Но при «...ведущей роли субъективного фактора ограничено объективными условиями»⁹.

Рассуждая о проблемах альтернативности в историческом развитии, И. Д. Ковальченко справедливо подчеркивает, что «игнорирование альтернативных ситуаций обедняет представления об исторической реальности»¹⁰, и жалеет, что эти проблемы пока «не привлекли должного внимания советских историков»¹¹. Хотя в этом нет ничего удивительного. Ведь еще совсем недавно идею альтернативности считали антимарксистской, приписывая ей цель «...поставить под сомнение существование объективных закономерностей исторического развития»¹².

В связи с этим следует заметить, что мы не совсем считаем обоснованными некоторые ограничения к использованию метода исторических альтернатив, которые выдвигает И. Д. Ковальченко в своей критике трудов американского историка проф. Р. Фогеля — автора идеи «контрфактических альтернатив». Р. Фогель действительно «разыгрывал» разные сценарии экономического развития США — например, вариант развития экономики страны в XIX в., если бы не были построены железные дороги. Но делалось это не ради «извращения» истории, а ради того, чтобы вычислить, по словам Р. Фогеля, «социальное сбережение», т. е.

⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования, 105.

⁶ Там же, 346—347.

⁷ Там же, 77.

⁸ Там же.

⁹ Там же, 80.

¹⁰ Там же, 82.

¹¹ Там же, 42.

¹² Жуков Е. М. О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей // Вopr. философии, 1977, № 4, 56.

тот материальный выигрыш, который был достигнут в результате реализации такого технического новшества, как железные дороги¹³.

Кстати, и нам было бы весьма полезно всерьез проанализировать «контрфактические альтернативы» экономического развития нашей страны после смерти Ленина. Мы же пока занимаемся одним исторически состоявшимся вариантом — приходом к власти Сталина и подсчетом жертв его кровавого режима.

И. Д. Ковальченко указывает на интересный способ верификации научных гипотез, который, к сожалению, до сих пор довольно редко используется нашими историками. «Изучая тот или иной исторический процесс, можно построить модель, имитирующую его последующее развитие», — пишет он. «Результаты этой имитации могут соотноситься с реальным итогом развития, поскольку он известен историку. Имеющиеся расхождения могут стать основой для совершенствования моделей. Тем самым разработка теоретико-методологических и конкретно-научных принципов и методов прогнозирования «прошлого будущего», исходя из «прошлого настоящего», будет содействовать разработке методов прогнозирования последующего хода современного развития...»¹⁴. Однако тут же автор с грустью добавляет: «Но пока это — только потенциальная, не использованная историками возможность»¹⁵.

В опубликованной в 1987 г. книге, однако, не могли быть полностью отражены те огромные перемены, которые произошли в нашей исторической науке за последние годы, и та критическая оценка в отношении советской исторической науки и ее методологии, которая выкристаллизовывается только сейчас. В наши дни мы вряд ли можем безоговорочно принять, что марксистская теория утвердилась в советской исторической науке именно в середине 1930-х годов¹⁶. Ведь с того времени и начинаются свойственные сталинизму теоретические извращения, оказавшие сильное влияние на развитие исторической науки. «Теория должна была выполнять извращенную идеологическую функцию, поддерживать иллюзию правильности проводимой политической линии...»¹⁷ — говорил М. С. Горбачев на Всесоюзном студенческом форуме 15 ноября 1989 г., характеризуя этот период.

На примере истории литературы негативные тенденции в развитии исторических исследований хорошо охарактеризовал акад. Д. С. Лихачев: «Литературоведение в значительной своей части выродилось в журналистику. От него требовали освещения авторов и произведений только под определенным сегодняшним углом зрения... Отдельные дисциплины, обвиненные в смертных грехах, привлекались к суду невежд. В космополитизме обвинили сравнительное литературоведение... Поэтику и стиховедение обвинили в формализме. Текстологией, источниковедением перестали заниматься»¹⁸. Многие фундаментальные проблемы и важные периоды просто объявлялись неактуальными и тем самым приостанавливалась научная деятельность в этих областях.

На страницах многих периодических изданий, в том числе и «Вопросов истории», уже идет борьба с упрощением или с прямым извращением истории в период сталинизма и стагнации. Неоднократно указывалось на то, что в сегодняшней советской исторической науке совсем отсутствуют или очень слабо развиты такие тематические направления, как историческая демография, экономическая история, история отдельных групп человеческого общества (молодежи, женщин), история социально-психологического развития (менталитета), которые весьма

¹³ Критику работ Р. Фогеля в монографии И. Д. Ковальченко см. на с. 407—408.

¹⁴ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования, 102.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, 211.

¹⁷ Горбачев М. С. Энергию молодежи — делу перестройки // Правда, 1989, 17 ноября.

¹⁸ Лихачев Д. С. Мысли о культуре будущего // Известия, 1989, 16 ноября.

успешно развиваются за рубежом. Еще ждут глубокого исследования такие ничем не обоснованные деструктивные акции прошлого, как ликвидация выдающейся русской школы исторической демографии или преследование достигших мировой славы специалистов по экономической истории Чайнова и Кондратьева. Надо, однако, отметить, что хотя И. Д. Ковальченко специально критическим разбором исторического развития советской исторической науки не занимается (чего нельзя от него в данном случае и требовать), он все же неоднократно указывает на обнаруживающиеся в настоящее время слабые места и недостатки именно в теории исторических исследований, свойственные работам советских историков и во многом унаследованные от периода сталинизма и стагнации.

Следуя, к сожалению, глубоко укоренившейся традиции, и И. Д. Ковальченко на страницах своей монографии не избежал противопоставления советских и буржуазных историков. Думается, что складывающееся в процессе перестройки «новое мышление» требует того, чтобы и в области историографии мы перешли к более точным определениям. Ведь не было рабовладельческих или феодальных историков и не все проживающие в государствах с буржуазным общественным строем специалисты трактуют историю с позиций класса буржуазии. И. Д. Ковальченко правильно подчеркивает, что следует учитывать и творчески использовать и те успехи, которые достигнуты историками-немарксистами, в том числе достижения «... в разработке методики и техники исторических исследований»¹⁹.

Рассматривая познавательный процесс, И. Д. Ковальченко справедливо указывает на диалектическую взаимосвязь двух встречных методов этого процесса. «Важнейшая, можно даже сказать определяющая, роль в научно-исследовательской деятельности принадлежит таким общенаучным методам, как восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному»²⁰. Всякое познание «... начинается с чувственного восприятия и эмпирического отражения объекта»²¹, т. е. исторического процесса или события. Но в то же время имеет место «... отражение объекта познания сознанием субъекта в такой форме и на таком уровне»²², к какому субъект способен, т. е. он проявляется в формирующихся в сознании исследователя абстракциях. Встречаются два потока информации: с одной стороны, от исторического объекта, а с другой — от того комплекса представлений и теоретических абстракций, которыми владеет исследователь. Поскольку конечной целью научного познания является раскрытие единства явления и сущности, то большое значение имеет именно метод восхождения от абстрактного к конкретному²³.

В нашей литературе при рассмотрении проблематики восхождения «от абстрактного к конкретному» особенно большое внимание уделялось принципу партийности. Затрагивая эту проблематику, И. Д. Ковальченко указывает на то, что партийность (субъективизм) может проявляться уже в процессе создания исторического источника. «В тех же случаях, когда субъект стремится к достижению целей, идущих вразрез с реальностью, субъективные искажения информации могут быть весьма существенными и доходить до прямой дезинформации, до полного искажения сути объекта информации»²⁴. Но и тогда, как правильно указывает И. Д. Ковальченко, источник не теряет своей информационной ценности. «Целевая направленность информации, содержащейся в истори-

¹⁹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования, 206.

²⁰ Там же, 145.

²¹ Там же.

²² Там же, 145—146.

²³ Там же, 147.

²⁴ Там же, 112.

ческих источниках... не исключает ее объективности, степень которой зависит прежде всего от классово-партийной позиции творцов источника и методов отражения реальности. Но всякий источник содержит ту или иную объективную информацию, и поэтому в семантическом отношении нет источников, непригодных для использования»²⁵. Эта принципиально важная установка направлена против упрощенческого отрицания возможности использования «вражеских источников».

С еще большими сложностями сопряжен вопрос об отношении к источникам (исторической реальности) со стороны исследователя. Прежде всего, как указывает И. Д. Ковальченко, угрожает опасность архаизации или модернизации, т. е. «... раскрытия сути явлений на данной стадии, исходя из предшествующего или последующего их состояния»²⁶. Неизбежной предпосылкой действительно глубокого и плодотворного познания прошлого является достаточно высокое мастерство и теоретический уровень исследователя. «Знает ли он сам или не знает об этом, но всякий историк при изучении истории и при создании картины истории работает в согласии с некоторыми — обычно имплицитными — предпосылками о характере человеческого общества»²⁷.

К выводу о существенном значении априорных знаний, а также о предвзятости историков-исследователей пришли и историки-немарксисты. «Следовательно, видно, что имеют место априорные решения (Vorentscheidungen) историка, установки, которые приняты уже до исследования или на основании ранее проведенных исследований, по которым, следуя интересам, создаются картины исторической действительности — некоторые связи затушевываются, а другие особо высвечиваются — ...исходя из тех принципов, из которых оценивают события»²⁸. Такое признание сильного влияния общественно-политических установок исследователя-историка на результаты его труда вполне обосновано. Марксизму принадлежит заслуга в том, что он это открыто признал уже тогда, когда немарксистскими исследователями это стыдливо отрицалось. И в этом смысле прав Ленин, указывая, что беспартийность — идея буржуазная, а партийность — идея социалистическая (т. е. входит в арсенал марксистской теории)²⁹. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что и методологический принцип партийности, как и некоторые другие, разработанные классиками марксизма-ленинизма, в нашей исследовательской практике подчас применялся упрощенно.

И. Д. Ковальченко совершенно правильно считает, что для успешного развития исторической науки необходимо наличие общей теории. И, по его мнению, «... такая теория у марксистской исторической науки есть. «Это — исторический материализм»³⁰. Однако горький опыт недавнего прошлого показал нам, что именно неправильное, догматическое толкование этого принципа — необходимости опираться в конкретной исследовательской работе на теорию — больше всего навредило развитию советской исторической науки. Подменив исторический материализм закостенелой схемой, с которой старались соотнести все вытекающие из результатов исследований новые идеи и постановки вопроса, многие и многие советские историки обрекли себя на повторение общепринятых (и общеизвестных) теоретических принципов. И правильно выдвинутые критические идеи партийности превратились в оковы творческой мысли — очень удобные для

²⁵ Там же, 116.

²⁶ Там же, 103.

²⁷ Лооне Э. Современная философия истории. Таллинн, 1989, 123.

²⁸ Wittram, R. Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung // Z. Ostforschung, 1971, Н. 4, 602.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 12, 138 (в монографии И. Д. Ковальченко имитировано на с. 243).

³⁰ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования, 238.

периода стагнации. На то, что такая практика не изжита еще и сегодня, недвусмысленно указывает и И. Д. Ковальченко в своей книге: «У историков это нередко ведет к превращению исторических исследований в иллюстрацию положений исторического материализма...»³¹

Роль и значение исторического материализма в современном мире — это особая, сложная и важная тема, которая заслуживает специального рассмотрения. Мы сейчас правильно критикуем догматическое и слишком расширенное толкование исторического материализма. Серьезные сомнения вызывают, как известно, его социально-политическая трактовка и применение. Не надо возводить его в ранг единственно правильной теории для всех времен и стран.

Перед историком-исследователем могут вставать очень разнообразные задачи. Но распределить их можно на две основные категории — историк либо восстанавливает (реконструирует) правдивую картину прошлого (событий, ситуаций, процессов), либо пытается ее объяснить, проникнуть в сущность. Не следует недооценивать важность работ первого направления. Недавнее прошлое нам очень убедительно показало, какое значение имеет восстановление исторической правды, заполнение «белых пятен» нашей истории. Работаящим в этом направлении специалистам придется должным образом обратить внимание и на эмоциональное воздействие своих исследований. Чрезвычайно важно и желательно было бы преодолеть барьер недоверия и взаимного недопонимания, к сожалению, еще существующего между профессионалами-историками и писателями (особенно писателями-документалистами). Г. А. Антипов прямо указывает на близость работы историков и художников слова. «Поэтому историк отличается от художника только тем, что главной ценностью для него является истина», — пишет он. «Картина прошлого, созданная историком, может и должна соответствовать критериям прекрасного, но не более, чем соответствуют им математическая теория, физическая модель, интересная конструкция и т. п.»³² Нет оснований относить все исторические исследования, которые имеют в основном описательный характер, к категории «донаучных», «сугубо описательных», как это делает, например, Б. А. Грушин³³. В реальной научной практике «китайской стены» между двумя направлениями не существует — элементы теоретических исследований встречаются во многих, в основном описательных, трудах. Однако теоретическая «бедность» в исследовательской практике наших историков существует, во многом она — наследие предыдущих периодов развития и ее надо изживать.

Взяв за основу принцип, что историк в своей исследовательской работе должен стремиться к поиску и раскрытию исторических законов (закономерностей), мы — к нашему удивлению — обнаруживаем в трудах коллег, что нет полной ясности (и согласия) в вопросе о том, что собой представляют исторические законы.

Советские историки, опираясь на труды Маркса, Энгельса и Ленина, выделили как исторические законы «последовательную смену общественно-экономических формаций»³⁴, «взаимосвязь базиса и надстройки», «изменение общественного строя с изменением в производительных силах», «зависимость общественного сознания от общественного бытия», «классовую борьбу в антагонистических формациях», «соответствие производственных отношений уровню развития производительных сил»³⁵.

Независимо от того, правильны или неправильны эти утверждения, можно ли назвать их законами? Такими же законами, как законы Гали-

³¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования, 238.

³² Антипов Г. А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987, 93.

³³ Там же, 87.

³⁴ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980, 262.

³⁵ Жуков Е. М. О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей, 50—52.

лея, Ньютона, Эйнштейна? Или такими же, как закон стоимости и законы земельной ренты Маркса и Энгельса?

«Закон есть существующая, устойчивая, общая, необходимая и повторяющаяся связь»³⁶ — пишет В. Н. Голованов. Вряд ли это можно сказать о вышеприведенных утверждениях. Скорее всего это нужные и хорошо сформулированные исходные позиции, определяющие подходы исследователей. Но в отличие от законов природы в них отсутствуют четко определенные факторы и межфункциональные связи, что давало бы возможность вывести на их основе точные предсказания.

Некоторые авторы заявляют, что законы исторического материализма исследуют только общие проблемы взаимоотношений и не вторгаются «... в сферу конкретно-исторических законов функционирования и развития производственных отношений. В этом смысле политэкономика охватывает производственные отношения шире, всестороннее, чем исторический материализм»³⁷.

Тут остается только спросить: если исторический материализм более узко и более односторонне, чем политэкономика; может изучать производственные отношения, зачем же тогда вообще прибегать к историческому материализму? Болгарский философ С. Попов уже в 1971 г. выразил сомнение в необходимости вдобавок к общим историко-материалистическим законам выдумывать еще какие-то «специфические конкретно-исторические законы»³⁸. По его мнению, вместо того чтобы заниматься конструированием специфических исторических законов, историкам лучше умело применять марксистские логико-философские, политэкономические и социологические методы (включая законы и закономерности) при изучении исторических процессов. С ним согласны и многие другие историки, занимающиеся философскими и теоретическими проблемами истории. Е. М. Жуков писал, что «нет исторических законов, которые бы не были вместе с тем экономическими, социологическими, психологическими или этнографическими»³⁹. «В объективной действительности законы не распадаются на исторические и социологические» — пишет И. Д. Ковальченко и уточняет, что с гносеологической точки зрения правомерно деление этих законов «по степени общности... и с учетом их содержательной сущности (законы экономические, социальные, политические и т. д.)»⁴⁰.

Используя как политэкономические, так и социологические и другие методы, историк старается докопаться до сути рассматриваемых им явлений и процессов. М. Бунге пишет: «Процесс научного открытия является не простым отражением фактов путем индукции, а трудной работой по опытному воспроизведению, которая проникает все глубже и глубже в вещь, как таковую, никогда не овладевает ею целиком. Конструкции (гипотезы), называемые научными законами..., являются различными воспроизведениями объективных законов на уровне рационального мышления»⁴¹. Идет постоянный процесс сопоставления все новых и новых результатов и данных с имеющимися в распоряжении исследователя законами, закономерностями и моделями. В результате этого одни из них подтверждаются, от других приходится отказываться. И в конце концов, как указывает Б. М. Кедров (повторяя по существу идеи Т. Куна), может появиться в отношении части них «познавательный барьер»,

³⁶ Голованов В. Н. Закон в системе научного знания. М., 1970, 41—42.

³⁷ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. (Проблемы теории исторического процесса.) М., 1981, 89.

³⁸ Попов С. Существуют ли «специфические исторические законы?» // Философия, 1971, № 6, 148—151.

³⁹ Жуков Е. М. Очерки методологии истории, 264.

⁴⁰ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования, 55.

⁴¹ Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М., 1962, 285.

который определенная теория не в состоянии преодолеть⁴². Если в результате более развернутых или глубоких исследований накопится уже много исторических фактов, которые какая-то историческая гипотеза (или традиционная точка зрения) не сумеет удовлетворительно объяснить, то от нее просто придется отказаться — ее надо совершенствовать или заменить какой-нибудь совершенно новой.

Интересный пример того, как новые данные и результаты привели к тому, что назрела необходимость пересмотреть историческую проблему, приведен в монографии И. Д. Ковальченко. Уже давно исследователями было замечено, что период разложения феодальной формации в России (XVIII в. — первая половина XIX в.) характеризовался усилением феодальной эксплуатации и обострением классово-борьбы. «Кардинальный вопрос о том, в какой мере определенная степень эксплуатации и ее усиление влияли на размах борьбы крестьянства и ее нарастание, конкретно не исследовался. Не исследовался потому, что определяющее воздействие эксплуатации на борьбу крестьянства представлялось очевидным»⁴³. «Но наступил момент» — продолжает Ковальченко, — когда это верное, но исторически абстрактное понимание сложного исторического явления потребовало конкретизации применительно к определенной исторической эпохе»⁴⁴. И тогда двумя историками было проведено исследование с применением и математических методов. Они пришли к отличному от традиционного представления выводу о том, что при прочих равных условиях интенсивность крестьянской классово-борьбы не зависела от материального положения и от тяжести их феодальных повинностей⁴⁵.

Нет ничего предосудительного в том, что историки в своих работах сплошь и рядом используют понятия «исторические законы» или «исторические закономерности», если под ними они подразумевают разные исследовательские общесоциологические методы для выяснения тенденций и закономерностей или если речь идет о стадиях теоретического познания. Но очень нежелательно понимать под ними какие-то застывшие схемы объяснения, под которые стараются подогнать историческую действительность.

Вернемся к одной из общепринятых советскими историками закономерностей — о соответствии производительных сил и производственных отношений. Можно ли ее понимать так, что производственные отношения зависят от производительных сил, и наоборот. Может ли, например, при определенном характере производственных отношений приостановиться развитие производительных сил? Вряд ли это предположение отвечает исторической действительности. Чтобы избежать недоразумений, сразу же отметим, что резкое изменение в характере производственных отношений может привести к значительному ускорению в развитии производительных сил.

В дальнейшем несколько подробнее остановимся на характере взаимодействия производственных отношений и производительных сил.

Уже в 1977 г. венгерский ученый Ф. Тэкей обратил внимание на то, как беспардонно извращал Сталин марксизм, заявляя в провозглашенной канонической истинной IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)», что общество находится в постоянном развитии и при этом самым подвижным элементом являются производительные силы, а изменения начинаются с изменений орудий производства⁴⁶. Вторая особен-

⁴² Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967, 214—215.

⁴³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования, 297.

⁴⁴ Там же, 298.

⁴⁵ Кахк Ю. Ю., Лиги Х. М. О связи между антифеодальными выступлениями крестьян и их положением // История СССР, 1976, № 2, 82—97.

⁴⁶ Tökei, F. Zur Theorie der Gesellschaftsformen. Budapest, 1977, 60.

ность производства, т. е. совокупность производительных сил и производственных отношений, заключается, по утверждению Сталина, в том «... что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»⁴⁷. Попирая законы диалектики, Сталин отчуждал от производительных сил тружеников и тем самым низводил их до положения «винтиков» производства.

В свое время К. Маркс писал нечто совсем противоположное. «И даже паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII века, в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х годов XVIII века, не вызвала никакой промышленной революции»⁴⁸, — говорится в I томе «Капитала» в главе под названием «Машины и крупная промышленность».

Примерно те же идеи недавно были высказаны английским историком С. Х. Ригби. Он тоже указывает на доминирующую роль производственных отношений — они опосредуют и определяют характер влияния производительных сил на общество в целом. «Чтобы доказать, что переход к капитализму был результатом развития производительных сил, требовалось бы доказать, что производительные силы достигли того уровня, при котором уже нельзя было мириться с феодальными арендными отношениями», — пишет С. Х. Ригби. И далее: «Такое объяснение следовало бы распространить и на то, почему капитализм не появился в XIV в., хотя к тому времени феодальные классовые отношения уже явно препятствовали развитию производства»⁴⁹.

Ф. Мендельс, хорошо знающий историю начальных этапов развития промышленности (канун индустриальной революции), утверждал, что в развитии техники текстильного производства в Европе с XII в. (когда была изобретена прялка) до 1760-х годов не наблюдается существенных изменений⁵⁰. Часто упоминаемая в трудах историков констатация стагнации в развитии аграрной техники в средневековье тоже явно противоречит тезису о том, что именно орудия производства были самым подвижным элементом.

Но может быть «движущей силой» производства, по крайней мере в период феодализма, была классовая борьба — эксплуатация, выжимание прибавочного труда и сопротивление этому? Такого взгляда придерживался, например, историк ГДР Б. Тёпфер, который считал, что нажим со стороны правящего класса феодалов на крестьян лежал в основе развития производства и технического прогресса. При этом Б. Тёпфер ссылается на Энгельса, который действительно писал, что в разделенном на антагонистические классы обществе «интерес господствующего класса стал движущим фактором производства...»⁵¹ Но несколькими строчками выше Энгельс говорил о том, что и в доклассовом обществе имел место определенный рост производства благодаря прежде всего наличию «... известного излишка свободных земель». И в том же месте Энгельс подчеркивал, что наиболее полно фактор эксплуатации проявляется при капиталистическом производстве. Вряд ли можно предполагать, что Энгельс считал интерес к наживе со стороны господствующего класса единственным движущим фактором производства (вспомним высказывания классиков марксизма об ограниченных размерах рынка и запроса со стороны феодалов в период средневековья).

⁴⁷ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938, 117.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 23, 386.

⁴⁹ Rigby, S. H. *Marxism and History. A Critical Introduction*. Manchester, 1987, 100, 103.

⁵⁰ Mendels, F. *Proto-industrialization: The first phase of the industrialization process* // J. Econ. History, 1977, 32, March.

⁵¹ Töpfer, B. *Ursachen für Fortschritts- und Stagnationserscheinungen in der Feudalgesellschaft* // Z. Geschichtswiss., 1983, N 2, 137; Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 20, 498.

Английский историк-марксист Р. Бреннер, который действительно выделяет значение фактора классовой борьбы в период феодализма, все же признает, что «невозможность поднять производительность труда выше определенного уровня явилась следствием феодальных классовых отношений...»⁵², а не классовой борьбой.

В последнее время были сделаны попытки объяснить историческое развитие (особенно позднего средневековья и нового времени) теорией экономико-демографических циклов. Согласно ей, в периоды экономического подъема расширяется обрабатываемая площадь (за счет распахки земель и низкого качества), но поскольку рост народонаселения все же опережает производство, то в конечном счете наступает кризис перенаселения. В результате голода и эпидемий численность народонаселения катастрофически падает, начинается экономический спад. Но поскольку вследствие резкого уменьшения количества людей лучшие земли вскоре опять обеспечивают устойчивое производство продуктов питания, то начинаются новый рост народонаселения и новый подъем экономики. Указанные циклические подъемы-спады и являются «мотором» исторического развития⁵³.

Но в появившихся в 80-е годы за рубежом историко-демографических исследованиях можно найти много серьезных возражений этой теории. В первую очередь отметим фундаментальное исследование Е. А. Ригли и Р. С. Скофилда по материалам Англии 1541—1871 годов⁵⁴. Е. А. Ригли прежде всего интересовал вопрос о том, чем объясняется стремительный рост народонаселения в XVIII в. «На авансцену вышел брак» — пишет он. А заключение брака зависело от экономических условий: «... было очевидным, что люди более охотно вступали в брак во времена экономического подъема...»⁵⁵. Изучавший социально-экономическое и демографическое развитие Фландрии в XVIII в. Ф. Мендельс пишет, что раздробление земельных участков и другие экономические изменения привели к «... снижению возраста вступления в брак и к повышению рождаемости»⁵⁶.

В результате многолетних исследований к обобщающим выводам об определяющем влиянии социально-экономических факторов на демографическое развитие пришел и французский исследователь Ж. Дюпакье. «При старом демографическом режиме рост населения лимитировался не столько смертностью, сколько затруднениями, которые представители молодого поколения встречали в поисках занятий, заведении «своего очага»...»⁵⁷.

Что же все-таки обусловило развитие производительных сил и переход в дальнейшем к капитализму в Европе? Несмотря на то, что при феодализме производство было в своей основе натуральным и феодальные отношения всячески препятствовали его дальнейшему развитию, рыночные связи все же укреплялись. «Толчок и внутренний стимул к развитию этих связей исходил из экономики — отделение ремесла от земледелия, города от деревни и т. д. ...»⁵⁸ — пишут В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон. А вот мнение по этому вопросу С. Полларда: «Рост городов

⁵² Brenner, R. The agrarian roots of European capitalism // Past and Present, 1982, N 97, 36.

⁵³ Более подробно об этом и о посвященной этой проблематике литературе см.: Кахк Ю. Ю. Взаимодействие и значение социально-экономических и демографических факторов в общественном развитии // Вопр. истории, 1985, № 12, 147—152.

⁵⁴ Wrigley, E. A., Schofield, R. S. The Population History 1541—1871. A Reconstruction. London, 1981.

⁵⁵ Wrigley, E. A. The growth of population in eighteenth-century England: a condrum resolved // Past and Present, 1983, N 98, 133—137.

⁵⁶ Mendels, F. F. Industrialization and Population Pressure in Eighteenth-Century Flanders. New York, 1981, 140.

⁵⁷ Dupaquier, J. Pour la démographie historique. Paris, 1984, 49.

⁵⁸ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история, 263.

и народонаселения, имевший место в раннем периоде нового времени в Европе, вызвал всеобщее увеличение спроса на товарные излишки пищевых продуктов»⁵⁹. Ф. Мендельс и С. Поллард указывают на то, что уже задолго до периода радикальных перемен в агрикультуре XVII—XVIII вв. сельские труженики постоянно и постепенно наращивали производство прежде всего благодаря переходу к трехполью и к другим более совершенным системам землепользования⁶⁰.

Рост производства, опережающий рост населения (и определенное повышение эффективности труда), имел место в 1750—1850 гг. и в Норвегии, где крестьяне были свободны от феодальной зависимости и где, следовательно, нажим со стороны феодалов не мог играть роль движущей силы⁶¹.

Мелкое и среднее хозяйство развивалось даже в отсталой крепостнической России. Навряд ли, сомневается П. Г. Рындрюнский, «крепостнический режим... до такой степени усилился, что для основной массы крестьянских хозяйств был прегражден путь к постепенному их обособлению и развитию, что якобы они осуждены были лишь на деградацию»⁶².

Мысли А. В. Чаянова о том, что русские крестьяне не имели никаких особых стимулов для расширения крестьянского хозяйства, вряд ли могут относиться, например, ко второй половине XIX в. П. Г. Рындрюнский показал, что в 37 губерниях Европейской России численность мелких и средних хозяйств с 1877 г. по 1905 г. не уменьшилась, а, наоборот, возросла почти вдвое. В это время в нечерноземных губерниях также происходит последовательный рост числа крестьян-землевладельцев и земельного фонда не крупных собственников, в южных губерниях наблюдается возрастание покупных сделок⁶³.

За все столетия существования феодализма главной движущей силой был труд крестьян. На нем зижделась вся мощь и богатство феодалов, на основе развития сельскохозяйственных товаров выросли города, из крестьянского труда выделился ремесленный труд, на основе которого впоследствии стали развиваться мануфактуры. Для этого крестьянский труд должен был быть в состоянии самостоятельно производить определенные излишки, и в отличие от рабского труда он делал это не только под нажимом со стороны феодалов. Внеэкономическое принуждение сыграло свою роль тогда, когда на повестку встал вопрос о разделении этого прибавочного продукта. И тут же заработал фактор классовой борьбы. Вступая в антифеодальную борьбу за этот прибавочный продукт (или за «справедливую» долю от него), крестьянин тем самым защищал один из основных «моторов» продолжения человеческого рода и прогресса человеческого общества.

Можем ли мы утверждать, что производственные отношения развиваются быстрее, чем производительные силы, и тем самым стимулируют развитие последних? В определенной степени это действительно так. Но все же производительные силы и производственные отношения настолько различаются друг от друга как своим характером, так и развитием, что такая постановка вопроса — попытка измерять и сравнивать их темпы

⁵⁹ *Pollard, S. Seasons and regions in agriculture and regions in agriculture and industry during the process of industrialization // Region und Industrialisierung. Göttingen, 1980, 182.*

⁶⁰ *Mendels, F. Industrialization and Population, 24; Pollard, S. Seasons and regions in agriculture, 180.*

⁶¹ *Hovland, E., Nordvik, H., Tveite, S. Proto-industrialization in Norway 1750—1850. Fact or fiction // Scand. Econ. History Rev., 1982, N 1, 46.*

⁶² *Рындрюнский П. Г. О мелкотоварном укладе в России XIX века // История СССР, 1961, № 2, 58.*

⁶³ Там же, 67—69.

развития — не совсем правомерна. В отношении производственных отношений более точно говорить о том, что они изменяются.

Ответ на рассматриваемые сложные вопросы искал и американский историк-философ Д. Лайбман. «Но все же правильно то, что я дал роль «двигателя» (motor force) производительным силам, а не производственным отношениям»⁶⁴, — пишет Д. Лайбман, подытоживая свои изыскания. Ни рынки, ни города не могли бы возникнуть, если бы прежде не были созданы материальные предпосылки в форме прибавочного продукта крестьянского труда. Постепенная аккумуляция прибавочного продукта, созданного в сельском хозяйстве, начавшаяся социальная дифференциация крестьянства, возникновение и развитие городского рынка — все это в конечном счете, по Д. Лайбману, подорвало основы феодализма⁶⁵. Д. Лайбман сам признает, что объявление аграрного труда основой развития всего общественного процесса может вызвать обвинения в телеологизме⁶⁶. Но и такой крупный философ, как М. Бунге, считает вполне возможным, что человеческий труд есть основа и движущая сила прогресса. «Тот факт, что общественно-исторические процессы носят частично телеологический или целесообразный характер, не требует особых доказательств, — пишет М. Бунге, — поскольку является общеизвестной истиной, что люди действуют не только потому, что на них оказывают влияние внутренние и внешние обстоятельства, существующие в настоящем, но также и потому, что они находятся под влиянием будущего, иногда даже не существующего личного будущего»⁶⁷.

Все до сих пор сказанное относится в основном к промежуточным этапам между революционными переменами общественного строя. В канун и во время революционных перемен (которые могут происходить или в форме революций, или в форме радикальных реформ) в движение приходят силы, вызванные вначале усилением и в дальнейшем разрешением конфликта, возникающего в результате противоречий между характером производственных отношений и характером производительных сил. И после разрешения этих противоречий наступает, как уже было сказано, эра значительного развития производительных сил и радикальных технических изменений в процессах производства.

Нам думается, что в дальнейшем, совершенствуя исследовательскую методику и глубже познавая исторические закономерности, мы в конечном счете придем к одному выводу: центральное место в исторических процессах занимает сам человек — его труд и свобода.

⁶⁴ *Laibman, D. Modes of production and theories of transition // Science and Society, 1984, XLVIII, N 3, 291.*

⁶⁵ Там же, 276—279.

⁶⁶ Там же, 277.

⁶⁷ *Бунге М. Причинность, 313.*

MÖNEDEST AJALOOLISE UURIMISTÖÖ METODOLOOGIA JA SOTSIAALSE PROGRESSI LIIKUMAPANEVATE JÕUDEDE UURIMISE PROBLEEMIDEST.

(Mõtetmõlgutusi pärast I. Kovaltšenko monograafia lugemist.)

I. Kovaltšenko monograafia (И. Д. Ковальченко. Методы исторического исследования. М., 1987.) ajaloolise uurimistöö metodoloogia kohta võib kujuneda lähtepunktiks sisulisele diskussioonile. I. Kovaltšenko oli üks esimesi nõukogude teadlasi, kes hakkas tegelema ajaloolise arengu alternatiivide probleemiga. Ajaloolise arengus tegelikult aset leidnud protsesside tulemuste võrdlemine nende hüpoteetiliste tulemustega, milleni oleks viinud alternatiivne areng (näiteks teatud sotsiaalmajanduslike reformide elluviimine või mitteelluviimine), võimaldab sügavamalt mõista ajalooliste protsesside (või aktsioonide) tähendust. Tundub aga, et autor kritiseerib mõneti põhjendamalt Ameerika majandusajaloolast R. Fogelit, kes konstrueerides oma «faktivastaseid» mudeleid ei püüa luua mingit «väljamõeldud ajalugu», vaid lihtsalt välja selgitada seda sotsiaalset kokkukohoidu, milleni oleks viinud üks või teine tehnilis-majanduslik uuendus.

I. Kovaltšenko juhib tähelepanu huvitavale meetodile, mille abil kontrollida ajalooliste hüpoteeside tõesust. Tuginedes andmeile mõnest varasemast perioodist võib välja töötada hüpoteesi selle kohta, milliseks oleks võinud kujuneda olukord mõne aja pärast. Neid «ajaloolisi prognoose» võib siis kontrollida ajalisel hilisemas perioodis tegelikult aset leidnuga.

Onnetuseks on I. Kovaltšenko oma raamatus jäänud truuks nõukogude ajalooteaduses väljakujunenud stereotüübile, mille järgi ajaloolased jagatakse nõukogude ajaloolasteks ja kodanlikeks ajaloolasteks. Perestroika ajal kujuneva «uue mõlemise» tingimustes oleks õigem loobuda neist kivilinenud iseloomustustest ja kasutada marksistlike ja mittemarksistlike ajaloolasteks jagamise tüpoloogiat (viimase tüübi raamidesse mahub loomulikult õige palju alajaotusi).

Käesoleval ajal tunnistab ka suur hulk mittemarksistlike ajaloolasi, et mingi probleemi lahendamisele asuvat teadlast mõjustavad uurimistöös nii tema sotsiaalne päritolu kui ka teda ümbritsevas keskkonnas domineerivad ideed. Nõukogude teoreetilistes käsitlustes on seda nimetatud parteiliseks lähenemiseks. Kahjuks oli aga see printsip stagnatsioonial ajal sageli moonutatud ja uurijad pidid suruma ajaloolist reaalsust dogmaatiliste skeemide raamidesse.

Nõukogude ajaloolaste töodes räägitakse palju ajaloo seadustest või seaduspärasustest, näiteks ühiskondlik-majanduslike formatsioonide vaheldumise seaduspärasusest, tootlike jõudude ja tootmissuhete vastavuse seaduspärasusest jne. Nii mõnedki neist seaduspärasustest on mõistetavad ka mittemarksistlikele ajaloolastele. Kõiki neid võib käsitleda kui loogilisi lähtepunkte teaduslike analüüside alustamiseks. Kuid neid ei saa pidada võrdväärseiks loodusteaduslike seadustega, kus nii tegurid kui ka funktsioonid on teadusliku täpsusega defineeritavad.

Juba 1971. aastal juhtis bulgaaria filosoof S. Popov tähelepanu sellele, et pole mingit vajadust konstrueerida spetsiifilisi «ajaloo seaduspärasusi», kuna piisab ajaloolise materialismi kui teooria seaduspärasustest. Hiljem märkas ka E. Zukov, et pole olemas ajaloo seaduspärasusi, mis poleks samal ajal ka majanduslikud, sotsioloogilised, psühholoogilised või etnograafilised. M. Bunge järgi on ajaloo seaduspärasused tegelikkuses vaid hüpoteesid, mille pädevust peab pidevalt kontrollima uurimuste uute tulemustega. Kui selgub, et mõningaid uusi tulemusi ei saa enam seletada olemasolevate (traditsiooniliste) hüpoteesidega (seaduspärasustega), siis tuleb viimaseid täpsustada või korrigeerida.

I. Kovaltšenko toob oma raamatus näite seesuguste üldtunnustatud ettekujutuste korrigeerimisest. Nõukogude ajaloolaste käsutuses oli juba pikemat aega palju andmeid selle kohta, et 18. sajandil ja 19. sajandi esimesel poolel suurenesid feodaalkoormised ja samal ajal teravnes klassivõitlus — talupoegade vastupanu koormiste suurendamisele. Küllaltki loomulik oli oletada, et talupoegade klassivõitlus oli tugevaim koormiste suurendamise ajal ja kohas. Selle oletuse paikapidavust kontrollis kaks eesti ajaloolast, võrreldes (ka matemaatilise analüüsi meetodite abil) feodaalkoormiste tõusu ja klassivõitluse tugevuse astet. Selgus, et talupoegade antifeodaalse võitluse taseme ja feodaalkoormiste suuruse vahel ei ole mehhaanilist sidet ning seetõttu tuli seni domineerinud ettekujutust täpsustada.

Juba 1977. aastal juhtis ungari filosoof F. Tökei tähelepanu sellele, kui lubamatult moonutas marksistlikku teooriat J. Stalin väites, et sotsiaal-majandusliku süsteimi kõige liikuvamaks elemendiks on tootlikud jõud ja muutused algavad alati tootmisvahendite (tehnikate) teisenemisest. Otse vastupidist väidab K. Marx, kirjutades «Kapitali» I köite peatükis «Masinad ja suurtootlus»: «Isegi aurumasin sellel kujul, nagu ta leiutati 17. sajandi lõpul, manufaktuuri perioodil, ja nagu ta on püsinud 18. sajandi 80-ndate aastate alguseni, ei kutsunud välja mingit tööstuslikku revolutsiooni.»

Paljustest tööstuslikku arengut käsitlevatest uurimustest selgub, et näiteks tekstiilitööstuses, kus juba 12. sajandil leiutati vakk, puudusid kuni 1760. aastateni olulised tehnilised täiendused. Ka agraarajaloolistes käsitlustes domineeriv idee stagnatsioonist ja seisakust agraartechnika arengus keskajal räägib ilmselt sellest, et ühiskonna edasiliikumine ei alga tehnika arengust.

Näib, et tootmissuhted muutuvad kiiremini kui tootlikud jõud. Tootlike jõudude ja tehnika kiire areng algab pärast seda, kui on aset leidnud radikaalsed muutused tootmissuhtes (revolutsioonid, reformid). Tundub aga, et tootlikud jõud ja tootmissuhted on nii oma iseloomult kui ka arengult nii erinevad, et nende arengutempo võrdlemine pole õigustatud — tootlikud jõud arenevad, tootmissuhted aga muutuvad.

Küsimuse üle, mis on sotsiaal-majandusliku arengu liikumapanev jõud, murdis pead ka Ameerika filosoof D. Laibman. «Mulle tundub, et mul oli siiski õigus, kui ma andsin «liikumapaneva mootori» rolli tootlikele jõududele ja mitte tootmissuhtetele,» kirjutab ta. Euroopa ajaloos oli teatavasti keskajal põhiliseks tootlikuks jõuks just talupoegade töö, mille kaudu tekkis lisaproduct ja mis ühtlasi oli aluseks käsitöö eraldumisele põllumajandusest, linnade tekkele ning kaubanduse arengule. «Peab tunnistama, et seal on teatud teleoloogiline element,» kirjutab Laibman, «kui loeme, et kapitalistid lihtsalt kasvavad välja talupoegkonnast.» Kuid nagu kinnitab tunnustatud filosoof M. Bunge, tuleneb see teleoloogia sellest lihtsast asjaolust, et iga inimene ei tegutse mitte ainult enda, vaid ka oma järeltulijate huvides.

Järjest sügavam tungimine ajaloo protsesside tähendusse võimaldab üha enam tunnendada inimisiku tähtsust ajaloolises progressis.

Eesti Teaduste Akadeemia
Humanitaar- ja Ühiskonnateaduste Osakond

Toimetusse saabunud
26. XII 1989

Juhan KAHK

ON SOME PROBLEMS OF THE METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH AND THE SEARCH OF THE "PRIME MOVER" OF SOCIAL PROGRESS

(Some considerations after reading a book by I. Kovalchenko)

A monographic study by I. Kovalchenko (*И. Д. Ковальченко. Методы исторического исследования. М., 1987*) can serve as a good ground for a fruitful discussion of theoretical problems of historical research. I. Kovalchenko was one of the first Soviet scholars who dealt with theoretical problems concerning alternatives in history. The comparison of results of historical processes that have really taken place with the hypothetical results of possible alternative processes (for example, a comparison of the social-economic results of carrying out or not carrying out some social reforms) can give us a deeper insight into the real meaning and appraisal of historical processes (and actions). It seems that I. Kovalchenko's criticism of R. Fogel is not well-founded. In constructing his counter-factual models R. Fogel is not trying to create an "imaginary history", but rather wants to find out the "social saving" resulting from different types of social-economic evolution.

I. Kovalchenko suggests an interesting method of the verification of historical hypotheses — on ground of information from an earlier period one can construct "historical forecasts" and compare them with the real situation (processes or acts) in later periods where the forecasts should have been realized.

Unfortunately, I. Kovalchenko follows in his book old stereotypes, calling most of non-Soviet historians "bourgeois historians" — in the times of the "new way of thinking" characteristic of *perestroika* it would be more correct to distinguish first of all between Marxist and non-Marxist historians (the latter can be grouped into many different sub-types).

Nowadays not only Marxist, but also many non-Marxist historians acknowledge the biased point of departure of historians in their research work, which depends on their social background, the ideas prevailing in their surroundings, etc. In Soviet theoretical studies this is called Party commitment. In the recent past, during the theoretical stagnation, this principle was unfortunately often misused and researchers had to squeeze historical reality into the frameworks of dogmatical schemes.

In theoretical studies of Soviet historians there is much talk about historical laws (regularities): the change of socio-economic formations, correspondence of productive forces and production relations, etc. Many of these laws can be accepted in some cases by Marxist as well as by non-Marxist historians. These general principles can be regarded as reasonable starting-points for theoretical constructions, but they are in no sense similar to laws in sciences (where we have exactly defined factors and functions).

Already in 1971 a Bulgarian philosopher S. Popov pointed out that there is no need for the so-called specific historical laws. As Y. Zhukov has pointed out later, there is no historical law that is not at the same time an economic, sociological, psychological or ethnographical law. According to M. Bunge historical laws are just hypotheses that must be constantly confronted with the reality. And when new facts (information) cannot be explained by existing hypotheses (laws), the latter must be improved or developed.

I. Kovalchenko gives in his book an interesting example of correcting traditional explanations (hypotheses) on grounds of new results. Soviet agrarian historians had at their disposal information on permanently increasing feudal duties and sharpening class struggle in the Russian Empire in the 18th century and the first half of the 19th century. It seemed to stand to reason that when (and where) the feudal duties were heavier there would be more unrest and rebellions. But then two Estonian scholars put the quantitative data on feudal duties and acts of peasant insurrection under mathematical analyses, and it came out that there existed no automatic dependence between the level of feudal duties and the strength of peasants' opposition. A traditional viewpoint (hypothesis) had to be corrected.

Already in 1977 F. Tökei, a Hungarian philosopher, pointed out in what an unpardonable way Stalin had distorted the Marxist theory declaring that the productive forces were the most mobile elements in the socio-economic system, and the changes always began with changes in means of production. K. Marx had expressed quite different viewpoints. "The steam-engine itself, such as it was at its invention, during the manufacturing period at the close of the 17th century, and such as it continued to be down to 1780, did not give rise to any industrial revolution," writes K. Marx in the chapter "Machinery and modern industry" in Volume I of *Capital*.

It has been demonstrated in numerous studies on the history of industrial growth that, for example, in the textile industry no changes occurred in the technology from the 12th century to the 1760s.

S. H. Rigby points to similar developments when he underlines the dominant role of production relations which determine the impact of the productive forces on society as a whole: "To show that the transition to capitalism was the result of the development of the productive forces would require demonstrations that the productive forces had reached a level incompatible with the continued existence of feudal class relations," Rigby writes. "Such an explanation would also have to account for the failure of capitalism to appear in the early fourteenth century by which the feudal class relations were clearly a fetter on production advance."

In studies of agrarian history one can find much convincing information about stagnation and very slow development in agrarian technology in the Middle Ages and in the beginning of the Modern Times.

It seems that production relations are frequently changing faster than productive forces develop. Fast changes and development in productive forces and technologies begin as a rule after serious changes in the character of production relations. But the character of production relations and productive forces are so different that it is not reasonable to compare them on the basis of tempo of development. The American philosopher D. Laibman has also pondered about the problem what could be considered the driving force (prime mover) of socio-economic development. "It seems true, however, that I have assigned the "motor force" property to the PF (Productive Forces)," writes he, "and asserted that **dominant** causality runs from this property to the evolution of the PRs (Production Relations) and not *vice versa*." In the history of medieval Europe the indulgent work of peasants created a certain surplus and made possible the separation of handicrafts from agriculture, the birth of towns, and development of commerce. "There is an element of teleology," confesses Laibman, "... that primitive accumulation is simply to be explained as a long drawn-out act of force, in which the capitalist clan apparently wills itself into existence." But such a very well-known philosopher as M. Bunge states also that teleological explanation of the importance of human work may ensue from the simple fact that, as a rule, every man is always working not only for himself but also for his successors.

Penetrating into the heart of the processes of historical development we become ever more aware of the importance of the historic role of man himself.

*Estonian Academy of Sciences,
Section of Humanities and Social Sciences*

Received
Dec. 26, 1989